

ПЕРЕСТРАХОВАНИЕ И СТРАХОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Текст: Дедиков С.В.
Хозяйство и право, №11, 2004

Одной из самых актуальных и практически значимых в настоящее время в сфере страховой деятельности является проблема возможности и, более того, допустимости регулирования перестраховочных отношений нормами права, относящимися к обычному договору страхования.

Проблема заключается в том, что перестрахование как очень сложный вид бизнеса, находящийся в состоянии динамичного развития, вообще плохо поддается какому-либо законодательному регулированию, которое, безусловно, в любой ситуации ограничивает свободу действий участников сделки. Проблема усугубляется тем, что российские перестраховщики набирают силу и все активнее интегрируются в мировой перестраховочный рынок — значительными остаются и в обозримом будущем будут таковыми оставаться объемы перестрахования российских рисков за рубежом, но одновременно увеличивается поток перестраховочного бизнеса, поступающего в Россию из других стран.

Применение российского страхового законодательства к договорам перестрахования приводит к усложнению процедуры заключения договоров, к появлению дополнительных рисков, прежде всего, для иностранных перестрахователей, приобретающих перестраховочную услугу в нашей стране. Эти риски связаны с тем, что в договорах с российскими участниками должны появляться искусственные формулировки, отражающие особенности российского законодательства применительно к перестрахованию, которые нигде в мире не применяются, непонятны иностранцам и, естественно, их настораживают либо, что бывает чаще всего, вызывают их категорические возражения. Поэтому российские страховые организации все время вынуждены выбирать: либо договор перестрахования будет составлен с учетом особенностей отечественного законодательства, но от его подписания может отказаться иностранный партнер, либо все-таки заключать договор в стандартном для международного рынка формате, но тогда этот договор может войти в противоречие с формальными требованиями российского законодательства.

При этом следует учитывать, что перестрахование по своей экономической природе, как механизм вторичного распределения застрахованного риска между страховыми организациями, изначально носит международный характер, потому что, во-первых, многие крупные риски вообще либо невозможно, либо очень сложно разместить в рамках одной страны из-за ограниченной "перестраховочной емкости", а во-вторых, это экономически нецелесообразно, поскольку на экономику такого государства ложится очень серьезная нагрузка в ситуации крупных (катастрофических) страховых случаев. Поэтому уйти от международного сотрудничества в области перестрахования нельзя в принципе и, следовательно, нам все равно рано или поздно придется приводить наше законодательство, касающееся перестрахования, в соответствие с обычаями и традициями международного перестраховочного оборота.

В отечественной цивилистике достаточно последовательно прослеживаются два разных подхода к исследуемому вопросу. Одни авторы полагают, что, поскольку перестрахование представляет собой разновидность обычного страхования, оно вполне может или даже должно подчиняться тем же правовым нормам, что и страховой договор.

Еще в начале двадцатого века Г.Ф.Шершеневич подчеркивал, что, поскольку перестраховочный контракт не отличается от обыкновенного страхования, «совершенно

правильно поступают те законодательства, которые подчиняют перестрахование общим правилам страхования»¹.

Проект Гражданского уложения Российской империи упоминал перестрахование наряду с некоторыми другими видами страхования (страхование речных судов, посевов от градобития, скота от падежа) в одной из статей, включенных в главу "Страхование". Данная норма устанавливала, что ко всем этим видам страхования должны применяться общие правила ГУ о страховании, если это не противоречит природе страхуемого имущества и свойствам опасности.

В последнее время эта точка зрения еще более конкретизирована. Так, М.И.Брагинский пишет: "К услугам перестраховщика могут обращаться в равной мере страховщики, заключившие договор и личного, и имущественного страхования. В том и другом случае на перестраховщика возлагается одна и та же обязанность: возместить страховщику по основному обязательству в пределах, указанных в договоре перестрахования, сумму, которую тот выплатил своему контрагенту по основному договору в виде либо страхового возмещения (при имущественном страховании), либо страховой суммы (при страховании личном). Отмеченное обстоятельство позволяет в конечном счете рассматривать любое перестрахование как договор имущественного страхования. Из этого следует, что на отношения по перестрахованию распространяются содержащиеся в ГК нормы о последнем договоре"².

В своем совместном фундаментальном труде "Договорное право" М.И.Брагинский и В.В.Витрянский, проводя сравнение правового режима регулирования договоров перестрахования и договоров страхования предпринимательского риска, отмечают, что "речь идет об определенном юридико-техническом приеме. Суть его состоит в том, что налицо два разных вида договора страхования со специальным набором норм, выражающих особенности каждого из них. Специфика сложившейся ситуации состоит в том, что для дифференциации правового режима этих договоров оказалось достаточным использование различных приемов регулирования одними и теми же по содержанию правилами (выделено мной. — С.Д.]. При этом императивные для договора предпринимательского риска, эти правила становятся диспозитивными для договора перестрахования"³.

Е.А.Суханов, в свою очередь, делает еще одно уточнение: "Как правило, на отношения перестрахования распространяются правила о страховании предпринимательского риска (каковым, в сущности, и является риск первого страховщика)"⁴.

Российские законодатели восприняли данную точку зрения и поэтому в п. 2 ст. 967 ГК РФ закреплено следующее положение: "К договору перестрахования применяются правила, предусмотренные настоящей главой (имеется в виду глава 48 "Страхование". — С. Д.), подлежащие применению в отношении страхования предпринимательского риска, если договором перестрахования не предусмотрено иное".

Приведенная позиция не единственная; многие специалисты, прежде всего, имеющие отношение к практике страховой и перестраховочной деятельности, высказывают прямо противоположную точку зрения.

К.Е.Турбина подчеркивает, что "перестрахование является самостоятельным видом предпринимательской деятельности в области страхования, которому присущи самостоятельное правовое регулирование отношений между страховщиком и перестраховщиком, самостоятельное правовое регулирование деятельности

¹ Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. II. — СПб., 1908 г., с. 389

² Брагинский М. И. Договор страхования. — М., 2000, с. 167.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М., 2002, с. 583-584.

⁴ Комментарий второй части Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. — М., 1996, с. 211.

перестраховщиков как на национальном, так и международном страховых рынках"⁵. Л.Клоченко и П.Мюллер отмечают: "Правовое регулирование перестрахования, в отличие от страхования, в большинстве стран осуществляется вне рамок писаного законодательства... Законы о договоре страхования различных стран предусматривают, что их положения не будут применяться к перестрахованию"⁶

Законодательная практика различных государств подходит к решению рассматриваемого вопроса по-разному. В большинстве государств, относящихся к числу развитых в экономическом отношении и занимающих ведущие позиции в мировом перестраховании, в законе реализована концепция недопустимости распространения на перестраховочные отношения законодательства, касающегося прямого страхования.

Так, § 186 Закона о страховом договоре Германии, а также § 101 Закона о договоре страхования Швейцарии исключают применение этих законов к перестраховочным операциям. В некоторых государствах при отсутствии в законодательстве норм прямого действия о договорах перестрахования они регулируются положениями закона о договорах страхования.

Тот факт, что в перестраховании и имущественном страховании однопорядковые объекты страхования — имущественные интересы, не связанные с личностью страхователя, по моему мнению, еще не означает, что перестрахование может, а тем более должно, подчиняться правовому режиму имущественного страхования. В праве известны ситуации, когда один и тот же материальный объект присутствует в различных правоотношениях. Перестрахование, хотя и является разновидностью страхования, тем не менее имеет существенные отличия от него в правовом режиме. Чтобы уяснить этот факт, достаточно провести сравнительный анализ этих двух видов договоров, а также законодательства о страховании и стандартных условий перестраховочных договоров.

Прежде всего, остановимся на основных различиях этих договоров. Здесь, в первую очередь, необходимо подчеркнуть, что перестраховочное обязательство имеет акцессорный, то есть дополнительный по отношению к основному страховому обязательству, характер. Уже в силу этого они не могут подчиняться одинаковым правовым режимам. Во всяком случае, гражданскому праву неизвестны примеры, чтобы основной и дополнительный договоры регулировались одними и теми же нормами права.

Принципиальные отличия перестраховочных контрактов от страховых договоров заключаются в различном составе субъектов. В договоре страхования только одна из сторон выступает в качестве профессионального участника страховых отношений. В договоре перестрахования обе стороны — профессиональные страховые организации. В Англии перестраховщиком может быть физическое лицо или группа таких лиц, но в рамках перестраховочных отношений они действуют как предприниматели, профессионально занимающиеся перестраховочной деятельностью⁷. Иными словами, это исключение лишь подчеркивает общее правило.

В договоре перестрахования один из субъектов всегда характеризуется таким признаком как наличие у него первичных страховых обязательств, являющихся основанием для возникновения перестраховочных правоотношений.

Для страховых сделок характерно наличие слабой и сильной стороны, и, соответственно, возникает обязанность государства защитить слабого участника договора. Слабой стороной

⁵ Турбина К. Е. Мировая практика государственного регулирования международного перестрахования // *Страховое право*, 2001, №1, с. 32.

⁶ Клоченко Л., Мюллер П. О договоре перестрахования // *Страховое дело*, 1995, № 1, с. 48. Еще более определенно эта мысль высказана Л. Н. Клоченко и К. И. Пыловым в книге "Основы страхового права": "Основными источниками права перестрахования являются сами договоры перестрахования. Кроме того, основу регулирования составляют обычай и арбитражные решения. Поэтому в юридической литературе очень часто право перестрахования относят к обычному праву". — См.: *Основы страхового права: Учебное пособие*. — Ярославль, 2002, с. 73.

⁷ См. подробнее: *Гражданское и торговое право капиталистических стран: Учебник / Отв. ред. Е.А. Васильев*, — М., 1993 г., с.99

всегда признается страхователь, сильной — страховщик. Причина такого деления заключается в том, что страхователями зачастую бывают физические лица или организации, менеджеры которых, как и граждане, не осведомлены обо всех тонкостях страхования. Страховщик как профессиональный участник рынка страховых услуг имеет преимущество за счет лучшего знания технологии, конъюнктуры, действующего законодательства, обычаев делового оборота, судебной практики и т.д.

В перестраховочных отношениях, строго говоря, нет слабой стороны, поскольку перестрахователи такие же страховые организации, как и перестраховщики. Поэтому К.Лоу и Х.Томсон справедливо подчеркивают, что "в отношении страхователей — частных лиц нормально презюмировать отсутствие понимания отдельных технических моментов. Напротив, перестрахователь обязан обладать знанием техники перестрахования и его практики"⁸.

Подобная позиция свойственна и судам. Например, при рассмотрении дела Group Josi Reinsurance Co v Universal General Insurance Company Суд Европейского Сообщества в своем решении от июля 2000 года указал, что правила специальной юрисдикции, предусмотренные Брюссельской конвенцией от 27 сентября 1968 года "О юрисдикции и исполнении решений по гражданским и коммерческим спорам", нацелены на защиту стороны, которая считается более слабой экономически и менее опытна в правовых вопросах, чем другая сторона договора. В отношениях между перестрахователем и перестраховщиком специальная защита не была бы оправдана, так как обе стороны такой сделки являются профессионалами в страховании⁹.

Отсюда следует принципиально важный вывод: в отношении перестраховочных сделок нет необходимости в столь подробном их регулировании на уровне законодательства. Государство вполне может и, более того, в интересах развития бизнеса должно предоставить субъектам перестраховочных операций максимально возможную свободу действий.

Третье важное отличие этих двух договоров заключается в существовании рисков, какие страхуются в соответствии с их условиями. Обычное рисковое (все виды, кроме накопительного и обязательного медицинского страхования) страхование предназначено для защиты страхователей от чрезвычайных рисков, выходящих за рамки нормального хода событий. При перестраховании покрываются расходы перестрахователя, укладываемые в обычное, как правило, статистически прогнозируемое течение его предпринимательской деятельности. Но это, тем не менее, не дает оснований относить перестраховочные сделки к разновидности договора страхования предпринимательских рисков, как это делается подчас в доктрине и, к сожалению, как уже отмечалось, нашло законодательное воплощение.

В то же время следует подчеркнуть, что российские арбитражные суды однозначно воспринимают договоры перестрахования как договоры страхования предпринимательского риска, хотя это принципиально разные сделки. Страхователь при страховании своих предпринимательских рисков защищает себя от убытков, которые он может понести в результате неисполнения его контрагентами своих договорных обязательств или изменения условий предпринимательской деятельности (подп. 3 п. 2 ст. 929 ГК РФ). По договору же перестрахования обязанность осуществления перестраховщиком страховой выплаты наступает, в виде общего правила, после того, как перестрахователь, напротив, сам добросовестно исполнил свои обязательства перед страхователем. Никакого риска неисполнения страхователем по основному страховому договору своих обязательств перед перестрахователем не существует, если только не рассматривать в качестве такового риск неуплаты страховой премии, составляющей от сотых процента до нескольких процентов от

⁸ Цит. по книге: Гришин Георгий. Не все ладно в перестраховочном королевстве... — Лондон, 2001, с. 21.

⁹ См.: там же, с. 13-15.

величины принятых на себя страховщиком обязательств. Нет, по общему правилу, и убытков, от которых мог бы страховаться страховщик, так как осуществляемые им страховые выплаты вполне укладываются в статистически обоснованный прогноз уровня "убыточности" его деятельности, в результате которой он все равно имеет прибыль. При перестраховании происходит главным образом фактическое деление страховых обязательств между страховыми организациями, когда финансовые возможности страховщика не позволяют ему принимать на себя всю ответственность по крупному риску, осуществляется защита от флуктуации страховых выплат, от возможных ошибок в актуарных расчетах и андеррайтерских оценках степени вероятности наступления страховых случаев. Наконец, довольно часто перестрахование осуществляется в силу того, что так предписывает законодательство в интересах сохранения финансовой устойчивости и платежеспособности страховщика.

А.К.Шихов приводит еще один довод в подтверждение невозможности регулирования перестрахования нормами, относящимися к страхованию предпринимательского риска: "Перестраховочный же договор заключается с целью обеспечения выполнения страховщиком в полном объеме обязательств перед страхователем при наступлении страхового случая, вызванного тем или иным случайным событием, в результате которого у последнего появились убытки. То есть перестраховочный договор заключается страховщиком (перестрахователем) в пользу страхователя по договору страхования"¹⁰. Действительно, миссия перестрахования заключается как раз в том, чтобы повысить качество страховой услуги и расширить рыночные возможности страховых компаний по страхованию крупных рисков, новых и неизвестных для них видов рисков и т.д.

Несмотря на эти различия, уже, к сожалению, вынесены судебные решения о признании договоров перестрахования ничтожными по той причине, что их условия не соответствовали норме ст. 933 ГК РФ "Страхование предпринимательского риска": в частности, когда перестраховщик по просьбе пере страхователя перечислял сумму страхового возмещения непосредственно страхователю по основному страховому договору. Суды рассматривали такие действия принимающей риск стороны как нарушение императивной нормы, согласно которой по договору страхования предпринимательского риска страхуется риск самого предпринимателя (в данном случае — страховщика) и только в его пользу.

Между тем в мире такие платежи перестраховщика страхователю распространены довольно широко. Сделаны даже специальные стандартные оговорки на этот счет, причем, например, в США и на Украине нормативно предписано включение их в договоры перестрахования на случай финансовых затруднений у страховщика.

Далее рассмотрим конкретные несовпадения правового режима договора страхования и устоявшейся практики перестраховочной деятельности, которая в полной мере отражает ее экономическую и правовую природу. Соответствующие позиции приводятся не в порядке нумерации анализируемых статей в главе 48 ГК РФ, а по степени убывания опасности тех или иных норм законодательства о страховом обязательстве для перестраховочных сделок или мере несоответствия их природе.

Действующее законодательство игнорирует имеющееся различие характера договоров страхования и перестрахования. Первый является преимущественно реальным. Например, российское законодательство однозначно признает договор страхования в основе своей реальным договором, когда обязательства страховщика возникают только после уплаты страхователем страховой премии или ее первого взноса (действовавший до 1997 года п. 2 ст. 16 Закона РФ "Об организации страхового дела в Российской Федерации" и ныне действующий п. 1 ст. 957 ГК РФ).

¹⁰ Шихов А.К. Страхование. — М., 2000, с.73. О других аргументах А.К. Шихова по этому вопросу см. подробнее: указ. Соч., с. 73-74.

Такая правовая конструкция полностью соответствует экономической природе страхования, которое, как известно, представляет собой деятельность по формированию страховщиками специальных денежных фондов из взносов страхователей с целью возмещения за счет этих средств убытков, причиненных страхователям в результате наступления страховых событий.

Лишь в порядке исключения и только по соглашению сторон допускается возможность преобразования договора страхования из реального в консенсуальный, когда он вступает в действие в момент заключения независимо от оплаты страхователем премии. Позиция авторов, которые считают страховой договор консенсуальным по той причине, что для его заключения сторонам достаточно достигнуть соглашения¹¹, на мой взгляд, не бесспорна¹².

Договоры перестрахования, напротив, в абсолютном большинстве изначально носят консенсуальный характер, когда обязательства сторон начинают действовать с момента заключения договора, и очень редко, в 2-3 процентах случаев, стороны конструируют его как реальный.

Включение в закон хотя и диспозитивной нормы, распространяющей на договоры перестрахования действие законодательства о страховом договоре, создает реальную опасность, что в случае, если участники перестраховочной сделки недостаточно четко указали на ее консенсуальный характер (например, вместо предусмотренного законом срока действия договора указали период ответственности, что сплошь и рядом встречается в перестраховочных контрактах) либо вообще забыли об этом написать, они понесут серьезные финансовые потери. Поскольку в силу п. 1 ст. 957 ГК РФ договор страхования вступает в силу после уплаты страховщиком страховой премии или первого взноса, есть основания для вывода о том, что договор перестрахования до уплаты перестраховочной премии действовать не начал, а следовательно, недобросовестный перестраховщик при наступлении страхового случая по основному договору страхования до уплаты ему цены перестраховочной защиты вполне может отказаться от его заключения и, таким образом, оставить контрагента без перестрахования. Добросовестный же перестраховщик рискует тем, что сформированные им страховые резервы по такому договору (а они формируются с момента заключения договора) будут расценены налоговыми органами как необоснованное занижение налоговой базы, со всеми вытекающими из этого финансовыми последствиями.

Попытка регулирования перестрахования нормами страхового законодательства способна подорвать основную парадигму перестраховочных отношений в вопросах урегулирования страховых случаев по договорам перестрахования. В страховании при наступлении страхового события страхователь обязан доказать страховщику сам факт реализации предусмотренной договором опасности, размер убытков и причинно-следственную связь между проявлением опасности и причинением вреда.

В перестраховании же действует обычай международного делового оборота, согласно которому перестраховщик считается обязанным выплатить страховщику страховое возмещение, если не докажет необоснованность его требования. Именно благодаря наличию этого обычая могут существовать договоры облигаторного перестрахования, где все расчеты производятся на основании счетов или счетов-бордеро, оформляемых перестрахователем, которые, строго говоря, ничего не доказывают. Просто перестраховщик доверяет контрагенту и презюмирует его добросовестность и профессионализм в части урегулирования страховых случаев и оформления соответствующих требований в свой адрес. При этом нужно иметь в виду, что на долю договоров облигаторного перестрахования приходится более 80 процентов мировой перестраховочной премии, другими словами, именно они являются основной формой перестраховочных операций.

¹¹ Фогельсон Ю. Б. Комментарий к страховому законодательству. — М., 1999, с. 169; Белых В. С., Кривошеев И. В. Страхование: Краткий учебный курс. — М.: Изд-во НОРМА, 2001, с. 148-151.

¹² См. подробнее: Дедиков С. В. Страховые и перестраховочные договоры: реальность или консенсус // Закон, 2002, № 10.

В России же перестраховщикам приходится в судах отстаивать свое право осуществлять страховые выплаты по договорам перестрахования на основании одних счетов, а не полных комплектов документов о страховых случаях. Если требовать от перестрахователей предоставления таких комплектов документов, то с российскими перестраховщиками ни один страховщик заключать договоры облигаторного перестрахования не будет, поскольку за рубежом подобная практика исключена в принципе.

Возникает серьезная проблема несовпадения требований к сведениям, которые страхователь должен сообщить страховщику при заключении договора страхования (п. 1 ст. 944 ГК РФ), и тем, что перестрахователь обязан предоставить перестраховщику по международным договорам перестрахования. Страхователь согласно российскому закону должен сообщить страховщику лишь известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков.

Российская судебная практика в этом вопросе пошла еще дальше, ограничив обязанность страхователя по предоставлению страховщику только тех из известных ему сведений, которые страховая компания официально у него запросила в той или иной форме (п. 14 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 ноября 2003 года № 75 "Обзор практики рассмотрения споров, связанных с исполнением договоров страхования").

Зарубежные же перестраховщики, отталкиваясь от классической концепции принципа наивысшей добросовестности, требуют от перестрахователей предоставления всей информации о застрахованном объекте, которую они знают и которую должны были бы знать как добросовестные и профессиональные страховщики¹³.

Применение норм, регулирующих договор страхования, к перестраховочным сделкам способно довести ситуацию просто до абсурда. Так, в силу п. 1 ст. 965 ГК РФ к страховщику, осуществившему страховую выплату, переходит от страхователя право требования к виновному в причинении вреда лицу о возмещении убытков. Поскольку закон (второе предложение п. 2 ст. 967 ГК РФ) рассматривает договор перестрахования как договор страхования, где перестрахователь является страхователем, а перестраховщик, соответственно, страховщиком, получается, что к нему также должно переходить право требования от страховщика. Но такого не может быть в принципе. У перестраховщика не может возникать суброгации, так как это, при наличии перестрахования, отменяло бы суброгацию для страховщика. Точно так же не должен применяться к перестраховочным сделкам п. 4 ст. 965 ГК РФ, который освобождает страховщика от страховой выплаты, если страхователь отказался от своего права требования к лицу, ответственному за убытки, возмещенные страховщиком, или осуществление этого права стало невозможным по вине страхователя. Если страховщик отказался от суброгации при заключении договора страхования, то перестраховщик об этом знал и, следовательно, согласился войти в перестраховочную сделку на таком условии. Если подобный отказ произошел в дальнейшем, то последствия соответствующей ситуации должны быть урегулированы договором перестрахования, а не законом, потому что стороны перестраховочной сделки выстраивают свои отношения более тонко, исходя не только из формальных моментов, но и из маркетинговых интересов.

Нередко не соответствует требованиям законодательства и форма договоров перестрахования, особенно заключаемых при посредничестве международных брокеров. Так, в силу п. 2 ст. 940 ГК РФ договор страхования может быть заключен путем составления одного документа либо вручения страховщиком страхователю на основании его письменного

¹³ См. подробнее об этой проблеме: Дедиков С.В. Принцип наивысшей добросовестности — краеугольный камень перестрахования // *Хозяйство и право*, 2003 г., № 5, с. 35-45

или устного заявления страхового полиса (свидетельства, сертификата, квитанции), подписанного страховщиком. Между тем синдикаты Ллойдса в принципе не подписывают никаких договоров, а факт принятия ими риска в перестрахование подтверждается ковернотой брокера. Все ведущие международные брокеры распространили эту практику и на случаи заключения перестраховочных сделок через них с другими иностранными перестраховщиками. Российские арбитражные суды подобную практику пока не признают и считают, что ковер ноты не служат доказательством заключения договоров перестрахования.

Не должно применяться в рамках перестраховочных отношений правило п. 2 ст. 961 ГК РФ, согласно которому неуведомление страхователем страховой компании о страховом случае дает последней право отказать в страховой выплате, если не будет доказано, что она своевременно узнала о наступлении страхового случая либо что отсутствие такого сообщения не могло сказаться на ее обязанности выплатить страховое возмещение. Подобные последствия имеют своей целью защиту интересов страховщика, который хотел бы сам провести расследование страхового случая. Для перестраховщика факт неуведомления его страховщиком о страховом событии по основному договору страхования не столь критичен, потому что он чаще всего никаких прав на участие в расследовании страхового события не имеет. Чтобы у него такое право возникло, в договор перестрахования должна быть включена специальная оговорка на этот счет. К тому же по договорам облигаторного перестрахования подобные уведомления направляются лишь по самым крупным убыткам, а основная масса страховых случаев вообще доводится до сведения перестраховщика путем включения достаточно кратких информационных записей в бордеро.

Чрезвычайно опасна для рынка перестрахования норма п. 2 ст. 958 ГК РФ о праве страхователя в любое время отказаться от договора страхования. Для перестраховочных отношений, где с обеих сторон действуют профессиональные страховые организации, такой меры защиты интересов перестрахователя не требуется. Более того, эта норма делает чрезвычайно рисковыми договоры облигаторного перестрахования, по которым крупный страховой случай может произойти в самом начале срока их действия, и разрыв договора перестрахователем после этого означает, что перестраховщик не сможет восстановить свое финансовое положение за счет той перестраховочной премии, которая должна была бы в противном случае поступить к нему.

В настоящее время участники перестраховочных отношений пытаются решать проблемы, связанные с распространением на сделки перестрахования действия норм о договоре страхования, путем включения в договоры специальной оговорки о неприменении к их отношениям в рамках данной сделки норм главы 48 ГК РФ либо положений, которые идут вразрез с соответствующими нормами закона.

Понятно, что все это чрезвычайно усложняет текст договоров, но проблема все-таки остается. Дело в том, что отдельные юристы считают, что в силу правила п. 2 ст. 967 ГК РФ стороны перестраховочной сделки могут исключить применение только двух статей — 929 и 933 Кодекса, в которых речь идет непосредственно о страховании предпринимательского риска. Другие резонно, возражают, что договор страхования предпринимательского риска как разновидность имущественного страхования подчиняется помимо этих статей и всем остальным нормам главы 48 ГК РФ, которые регулируют договоры имущественного страхования. Поэтому исключать можно практически все нормы главы 48 Кодекса, кроме, естественно, самой ст. 967. Эта точка зрения, по моему мнению, более предпочтительна (См. об этом также: Брагинский М.И. Договор страхования, с. 168-169), но опасная для практики неопределенность в этом вопросе, тем не менее, сохраняется, так как он еще не был предметом судебного рассмотрения.

Рассматриваемая проблема может быть легко решена, если в законе закрепить правило о том, что к договорам перестрахования нормы закона, регулирующие договор страхования, применяются лишь при условии, что стороны сами об этом договорились. Участники

перестрахования как профессионалы сумеют сделать это лучше и более корректно, чем это сделано сейчас законодательным путем.